

КОНЦЕПЦИИ И МЕТОДЫ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Коммунистические убеждения и их влияние на развитие экономики и общества: применение новых подходов Д. Норта к анализу исторического опыта СССР¹

А.А. ЯКОВЛЕВ

В своей книге «Насилие и социальные порядки» Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вейнгаст предложили новый подход к анализу социального развития – с делением всех существовавших в истории и существующих сегодня обществ на «порядки ограниченного доступа» и «порядки открытого (свободного) доступа». В интерпретации Норта и его соавторов общественное развитие заключается в открытии для широких (неэлитных) социальных групп доступа к экономической и политической активности. При этом они особо подчеркивают важность общих убеждений для успешного перехода от «порядка ограниченного доступа» к обществу с «открытым доступом». С этой точки зрения исключительный интерес представляет исторический опыт СССР, поскольку это был пример нового общественного порядка, изначально основанного на определенной системе идеологических убеждений.

В этой статье мы показываем, что одним из ключевых факторов успешного развития СССР на протяжении долгого периода были элементы открытого доступа к образованию, здравоохранению, а также возможности социального лифта для представителей неэлитных слоев. Эти элементы «порядка открытого доступа» могли быть реализованы на практике, потому что социальное равенство и социальная активность масс были важными принципами господствовавшей коммунистической идеологии и рассматривались как одно из преимуществ СССР в конкуренции с капиталистическим миром. Эти элементы открытого доступа были успешно внедрены, потому что они опирались на убеждения о социальном равенстве, широко распространенные в обществе.

Однако эти общие убеждения имели искусственную идеологическую природу и с течением времени пришли в острый конфликт с личными (частными) интересами новой советской элиты. В результате общие убеждения, не находившие подтверждения на практике, стали размываться и этот процесс в значительной мере предопределил крах советского строя, поскольку движущими силами этого социального порядка выступали

¹ Данная статья основана на докладе автора на международном симпозиуме «Институты, развитие и группы интересов», организованном НИУ ВШЭ, РЭШ и фондом «Либеральная миссия» 22–24 мая 2012 года. Автор признателен Л. Полищуку, В. Магуну, Н. Лебедевой, Р. Хестанову, В. Попову, А. Соболеву, А. Маркевичу, С. Винокуру за содержательные дискуссии и замечания на предшествующую версию данной статьи. Автор также благодарен участникам серии рабочих семинаров о применимости к России концепции «порядков ограниченного доступа», проходивших в НИУ ВШЭ в декабре 2011 – апреле 2012 года.

не частные (материальные) интересы экономических агентов и политических акторов, а идеология. Таким образом, советский эксперимент позволяет понять, что общественное развитие может быть устойчивым лишь тогда, когда оно опирается на общие убеждения и ценности, которые возникают из взаимодействия частных интересов.

Ключевые слова: общественное развитие, общие ценности и убеждения, коммунистическая идеология, концепция «ограниченного» и «открытого доступа»

В вышедшей в 2009 г. книге «Насилие и социальные порядки» Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст предложили новый подход к анализу социального развития [North, Wallis, Weingast 2009]. Их основная новация заключается в принципиально новом взгляде на роль насилия и рент в общественном развитии. Авторы исходят из достаточно очевидного на первый взгляд тезиса – у любого индивида всегда есть выбор: он может пойти и заработать себе на пропитание либо он может попытаться отнять то, что заработал его сосед. При отсутствии ограничений на применение насилия вторая опция часто оказывается предпочтительнее – что имеет разрушительные последствия для развития². В понимании Норты и его коллег возникновение государства представляет собой реакцию общества на эти разрушительные последствия: государство возникает как механизм для ограничения насилия.

Д. Норт и его соавторы приводят различные подтверждения этого тезиса: например, антропологические и археологические исследования племен Южной и Центральной Америки показывают, что уровень смертности от разных увечий был гораздо выше в период существования родоплеменной структуры и он стал заметно ниже после появления империй инков и ацтеков.

Однако такое ограничение насилия имеет свою цену. Для поддержания стабильности «правил игры» (без которой невозможно общественное развитие) те группы, которые обладают потенциалом насилия, должны получать компенсацию или ренту за свое «воздержание» от применения насилия. Источником этой ренты выступают ограничения в доступе к приносящей доход экономической деятельности, а также в доступе к политической активности, поскольку политика определяет «правила игры» для экономических субъектов. Такая структура, которую Норт и его коллеги определяют как «естественное государство» (*natural state*) или «порядок ограниченного доступа» (*limited access order* – далее ПОД), характерна для абсолютного большинства обществ не только в истории, но и в современности.

Тем не менее, наряду с ПОД существует очень ограниченная группа «обществ с открытым (свободным) доступом» (*open access orders* – далее ПСД). К этой категории Норт, Уоллис и Вайнгаст относят современные развитые демократии, обеспечивающие своим гражданам широкие возможности участия в экономической активности и политической жизни. В понимании Норты и его коллег центральный вопрос общественного развития заключается в том, как обеспечить «переход» (*transition*) – но не от социализма к капитализму (или наоборот), а от «порядков ограниченного доступа» к «порядкам с открытым доступом».

В своей книге Норт и его коллеги пытаются дать ответ на этот вопрос, основываясь на историческом анализе развития экономических и политических

² В данном аспекте подход Д. Норты и его коллег очень близок к концепции производительного, перераспределительного и разрушительного предпринимательства, сформулированной одним из классиков теории предпринимательства В. Баумолом [Baumol 1990].

институтов трех стран – Великобритании, Франции и США. Они исходят из того, что ключевым фактором развития во всех трех странах стали взаимоотношения между основными группами в элите, и выделяют «пороговые условия» (*door-step conditions*), сделавшие возможным в этих странах переход к «порядку с открытым доступом» уже в конце XVIII – начале XIX веков.

К числу таких пороговых условий Норт и его соавторы относят:

- переход от личных привилегий к безличностным правам, что становится основанием для внедрения принципа «верховенства права» (*rule of law*) в рамках элиты;
- появление организаций (корпораций, предпринимательских ассоциаций, политических партий), которые «живут» дольше, чем их непосредственные учредители;
- централизованный политический контроль над применением насилия.

Только при достижении в конкретной стране этих «пороговых условий» для нее становится возможным переход к «порядку с открытым доступом». Тем не менее, «открытый доступ» не означает полной свободы в доступе к экономической активности и политической деятельности. «Переход» приводит лишь к существенному расширению доступа, но этого оказывается достаточно для того, чтобы «порядки с открытым доступом» могли гибче реагировать на внешние шоки, а соответствующие общества стали более устойчивыми к социальным и политическим потрясениям.

Однако этот «переход» не возможен путем простого переноса в развивающиеся страны современных рыночных и демократических институтов из развитых стран. Такой перенос может способствовать повышению эффективности, поскольку барьеры в доступе к экономической и политической активности, создававшие ренту, одновременно ограничивали эффективность и стимулы к развитию на уровне фирм. Именно поэтому Всемирный Банк и Международный валютный фонд в 1980–1990-е гг. ориентировали развивающиеся страны на разрушение подобных барьеров, предоставляя кредиты и техническую помощь тем правительствам, которые проводили соответствующую политику.

Проблемой такой политики было то, что с разрушением барьеров и «открытием доступа» ломалась структура сложившихся отношений и распределения ренты между ключевыми группами в элите, удерживавшие их от применения насилия. И очень часто вместо реального развития такие страны сталкивались со вспышками насилия в виде социальных волнений, роста преступности и межнациональных конфликтов, переходящих в гражданские войны. Иными словами, правительства и правящие элиты в развивающихся странах в реальности сталкиваются не с выбором между «хорошими» и «плохими» институтами. Они встают перед необходимостью ответа на вопрос: что лучше для их стран и для них самих – гипотетическая завтрашняя экономическая эффективность и более высокий общий уровень жизни граждан или сегодняшняя социальная и политическая стабильность?

От Д. Норты и его коллег не следует ожидать прямого ответа на этот вопрос, поскольку в своей книге они анализируют историю лишь трех развитых стран: Франции, Великобритании и США. Но сама постановка этого вопроса позволяет по-новому взглянуть на ключевые принципы и осознать ограничения политики экономического развития, реализовывавшейся по отношению к «третьему миру» международными финансовыми организациями и правительствами наиболее развитых стран на протяжении многих десятилетий. Подход Д. Норты и его соавторов представляется нам очень плодотворным, и этот подход уже получает распространение в России.

На международной научной конференции НИУ ВШЭ в апреле 2012 г. был организован специальный «круглый стол», посвященный применимости концепции «ограниченного доступа» в российских условиях³. К конференции Д. Норт и его соавторами по новой книге, которая готовится к изданию в Cambridge University Press, был подготовлен доклад, основанный на результатах анализа кейсов по 9 развивающимся странам [Норт, Уоллис, Уэбб, Вайнгаст 2012]. В мае 2012 г. НИУ ВШЭ, РЭШ и фонд «Либеральная миссия» провели симпозиум «Институты, развитие и группы интересов», в котором приняли участие соавторы Д. Норта по новой книге Дж. Уоллис и С. Уэбб⁴. В журнале «Вопросы экономики» был опубликован цикл статей коллектива авторов под руководством А. Аузана, посвященный анализу развития Казахстана в логике концепции «ограниченного доступа» [Аузан, Келимбетов 2012; Тамбовцев, Умбеталиев 2012; Афонцев, Зубаревич 2012]. Практически одновременно эксперты Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге предложили интересную интерпретацию современных конфликтов внутри российской элиты в терминологии Норта [Панеях, Титаев 2012].

Столь бурный интерес ведущих отечественных исследователей к данной методологии, на наш взгляд, косвенно может свидетельствовать о большей ее адекватности для анализа современных российских реалий в сравнении с подходами, характерными для «мейнстрима» в экономике и политологии. В данной статье, в отличие от исследований коллег, мы сделаем больший акцент на экономической истории (что в целом очень важно для работ Д. Норта и его соавторов) и покажем возможности применения их подхода к анализу развития советского общества.

Советский Союз с его иерархической общественной структурой, ограничениями на доступ к информации и мобильность населения, жестким насилием по отношению к оппонентам и противникам режима однозначно должен быть отнесен к «порядкам ограниченного доступа». Однако в 1930–1960-х гг. СССР смог создать передовую для того времени систему образования и научных исследований, провести индустриализацию и создать развитую промышленность, использующую сложные технологии. В результате СССР добился статуса супер-державы и в течение нескольких десятилетий конкурировал с США в глобальной политике. За счет чего были достигнуты эти результаты?

Более внимательный анализ организации советского строя показывает, что по ряду параметров СССР не просто относился к зрелым (*mature*) ПОД, но приближался к тем упоминавшимся выше «пороговым условиям», которые согласно концепции Д. Норта делают возможным переход от ПОД к ПСД.

Норт и его соавторы признают, что в отличие от других ПОД в СССР был обеспечен консолидированный политический контроль над вооруженными силами и применением насилия [North, Wallis, Weingast 2009, p. 153]. Но также необходимо согласиться с тем, что в СССР помимо коммунистической партии действовало большое число массовых общественных организаций, включая комсомол, профсоюзы, творческие союзы, спортивные объединения, организации ветеранов и т.д. Они не ассоциировались с конкретными личностями и могли рассматриваться как «бессрочно существующие». При явных отступлениях от принципов верховенства закона (*rule of law*) в СССР существовали определенные правила для элиты,

³ См.: <http://www.hse.ru/news/recent/50526680.html>

⁴ См.: <http://www.hse.ru/institutions/> и <http://www.opec.ru/140992.html>

нарушение которые наказывалось в разных формах (от взысканий по партийной линии до репрессий со стороны органов госбезопасности). При этом права элиты в значительной мере носили обезличенный характер: расширение доступа к материальным благам было связано с достижением определенного статуса в партийной и советской иерархии. Что сделало возможным такое приближение к «пороговым условиям»?

По нашему мнению, решающую роль в первоначальном успехе СССР сыграли те общие убеждения о социальном равенстве, которые лежали в основе нового строя, возникшего в России в 1917 г., и которые до определенного момента широко разделялись как обществом, так и советской элитой. Этот тезис согласуется с утверждением Д. Норты и его соавторов о важности общих убеждений (*common beliefs*) для успешного перехода от ПОД к ПСД. В частности, наличие определенных базовых убеждений, разделяемых всеми членами общества, делает возможной кооперацию между разными социальными группами⁵. Однако, как справедливо отмечает А. Грейф, убеждения становятся устойчивыми и могут воспроизводиться только в том случае, если они согласуются с практическим опытом людей в их повседневной жизни [Greif 2006]. Если этого не происходит, убеждения размываются, а вместе с ними исчезают достаточные основы для кооперации и взаимодействия.

Как мы покажем в данной статье, процесс эрозии социалистических убеждений стал одним из ключевых факторов краха СССР. Для обоснования этого тезиса далее мы последовательно рассмотрим с позиций концепции ПОД/ПСД ключевые элементы коммунистической идеологии и соответствующие им убеждения, противоречия, связанные с применением коммунистических принципов на практике, и механизмы поддержания новой системы убеждений в обществе и в элите, а также причины распада социалистических убеждений. В заключении, опираясь на исторический опыт СССР, мы выделим некоторые общие следствия для анализа эволюции «порядков ограниченного и открытого доступа».

Ключевые элементы коммунистической идеологии с позиций концепции ПОД/ПСД

Коммунистическая идеология, предопределившая черты нового общественного порядка в России в 1917 г., сформировалась в русле социалистических идей, восходящих к Сен-Симону, Оуэну, Фурье и другим социалистам-утопистам XVIII–XIX веков. Отрицая современное им несправедливое общественное устройство, эти мыслители говорили о построении нового общества на принципах соци-

⁵ Вместе с тем стоит отметить, что Норт, Уоллис и Вайнгайт не дают убедительного объяснения того, как возникают эти общие ценности и убеждения. По нашему мнению, эта слабость их подхода связана с чрезмерным акцентом на взаимодействия внутри элит – при игнорировании давления на элиты со стороны неэлитных социальных групп, а также внешнего давления со стороны других стран в рамках военно-политической конкуренции на мировой арене. Убедительные аргументы такого рода сформулированы в книге D. Acemoglu, J.A. Robinson 'Economic Origins of Dictatorship and Democracy' [Acemoglu, Robinson 2006]. На наш взгляд, «общие убеждения» возникают из противостояния элит и неэлитных групп и часто опираются на осознание элитами (опытным путем) того факта, что революции обойдутся им гораздо дороже, чем демократизация и предоставление прав неэлитным группам.

ального равенства; при этом они исходили из добровольности перехода к новому общественному порядку и равенства всех членов нового общества.

Существенное добавление, сделанное К. Марксом и Ф. Энгельсом и их последователями, касалось классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией [Marx und Engels 1848]. Маркс и Энгельс считали, что переход к новому справедливому общественному порядку произойдет в результате революции, движущей силой которого будет пролетариат. Союзниками пролетариата могут выступать другие угнетенные классы, но только пролетариат рассматривался как последовательный носитель коммунистических идей; при этом подчеркивалась необходимость политической организации рабочего класса. Результатом революции будут экспроприация экспроприаторов, обобществление средств производства и кооперация между трудящимися. Благодаря революции угнетенные классы получат свободу, широкие социальные гарантии и возможности для самореализации. Поскольку эксплуататорские классы будут оказывать сопротивление становлению нового строя, по отношению к ним правомерно применение насилия, реализуемое диктатурой пролетариата.

Таким образом, существенными элементами коммунистической идеологии были обеспечение равенства и социальной справедливости для представителей пролетариата, наличие политической организации рабочего класса, создание условий для социального творчества масс, их активная кооперация в рамках новых производственных отношений. Одновременно оправдывалось применение насилия и ограничение свободы по отношению к представителям эксплуататорских классов и противникам коммунистической идеологии.

При этом, как справедливо отметил еще Й. Шумпетер, реальным генератором и носителем коммунистических идей был отнюдь не рабочий класс, а представители «буржуазной интеллигенции» [Schumpeter 1942]. Тем самым, на наш взгляд, несогласие отдельных интеллектуалов, выходцев из старой элиты, с теми несправедливыми формами, в которых происходило становление и развитие капитализма в Европе, привело к формированию альтернативных взглядов на общественное развитие. В контексте концепции ПОД/ПСД важным здесь представляется акцент коммунистической и социалистической идеологии на равенстве и социальной справедливости – в отличие от акцента на свободе, который был характерен для представителей либеральных течений в Великобритании, Франции и США, рассмотренных в книге *‘Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History’* [North, Wallis, Weingast 2009] как примеры перехода к ПСД.

Коммунистические убеждения в действии: опыт СССР в период с 1917 года до 1950-х годов

Коммунистический блок, просуществовавший свыше 70 лет, включал в себя несколько десятков стран. Однако Россия стала первой и единственной страной, в которой построение нового общественного порядка после победы социалистической революции происходило на внутренних ресурсах – без военной и политической поддержки извне. Важными предпосылками успеха большевиков в момент революции, безусловно, стали слабость царского режима, раскол старых элит, их неспособность договориться друг с другом и пойти на какие-либо самоограничения

и уступки по отношению к неэлитам. Однако не менее важной была популярность среди населения (крестьянского в основной своей массе) *идеи равного доступа к земле*. Лозунг «Земля – крестьянам», выдвинутый изначально социалистами-революционерами, но реализованный на практике большевиками, в конечном счете предопределил их победу в гражданской войне 1918–1921 годов.

Построение нового общества, однако, с самого начала столкнулось с серьезными проблемами. Первая попытка практического применения коммунистических принципов в период «военного коммунизма» поставила новый режим на грань экономического коллапса и утраты собственной социальной базы⁶. Провозглашенная Лениным в 1921 г. «новая экономическая политика» (НЭП) была вынужденным шагом, но этот шаг воспринимался как однозначный отход от коммунистической идеологии, отрицавшей любую частную собственность. НЭП, который обеспечил свободу для предпринимательской деятельности крестьян на основе их равного доступа к земле, позволил в короткие сроки восстановить экономику, разрушенную гражданской войной. Вместе с тем политика НЭП привела к растущей социальной дифференциации и появлению серьезных противоречий между городом и деревней. В результате новая элита была поставлена перед выбором между приверженностью идеологическим принципам и необходимостью прагматической политики, балансирующей интересы разных социальных групп.

На наш взгляд, выбор в пользу идеологии был предопределен тем, что идеи социального равенства, подрывавшегося политикой НЭП, рассматривались большевистской элитой как одно из главных преимуществ нового общественного порядка в конкуренции с капиталистическим миром. Не менее важным было сохранение внешней угрозы, подталкивавшей новую элиту к форсированной индустриализации.

С позиций концепции ПОД/ПСД необходимо отметить, что при всех потерях в гражданской войне и противоречиях НЭП большевистское правительство в целом обеспечивало широкий доступ к экономической и политической активности. Двадцатые годы XX столетия характеризовались не только острыми внутрипартийными дискуссиями, но и достаточно широкой свободой выражения своей позиции для оппонентов режима. В стране действовало множество общественных организаций – профсоюзы, молодежные и женские объединения, творческие союзы. Правительство ввело 8-часовой рабочий день и другие социальные гарантии для рабочих, одновременно установив правила и ограничения для представителей партийной и советской элиты (в виде «партмаксимума», борьбы с «перерожденцами» и т.д.). Реализовывался широкий круг социальных программ (включая прежде всего активную борьбу с неграмотностью и массовыми заболеваниями), представители трудящихся классов получили существенные привилегии в доступе ко всем видам образования. Правительство запустило масштабные программы развития инфраструктуры (план ГОЭЛРО).

По нашему мнению, все эти меры служили основой для «подтверждения убеждений практическим опытом» в логике Д. Норты [North 2005] и А. Грейфа [Greif 2006] и способствовали тому, что коммунистические взгляды стали укореняться в широких социальных слоях. Характерно, что уже в этот период новые убеждения получили широкое распространение среди интеллигенции – особенно в ее молодом поколении.

⁶ Наиболее явными признаками этого стали массовое восстание крестьян в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг., а также Кронштадтский мятеж матросов Балтийского флота в феврале–марте 1921 года.

Отказ от НЭПа и ставка на форсированную индустриализацию в промышленности и принудительную коллективизацию в сельском хозяйстве привели к существенным изменениям в характере режима. «Цена коллективизации», выраженная в жизнях миллионов крестьян, которые умерли во время голода 1932–1933 гг. в Поволжье и на Украине и погибли в процессе «раскулачивания», никак не соответствовала коммунистическим убеждениям и не могла быть озвучена обществу.

Поэтому неизбежным следствием коллективизации стало жесткое ограничение доступа к информации, ограничения на мобильность населения и усиление коммунистической пропаганды (в том числе через систему образования). В сочетании с продолжением политики по развитию системы образования и здравоохранения, инвестициями в инфраструктуру, развитием культуры и спорта эти меры позволяли поддерживать в широких незлитных слоях веру в коммунистические убеждения. Важным фактором также были широкие возможности социального лифта (с использованием существующих многочисленных общественных организаций) для тех представителей незлитных слоев, которые были согласны с господствовавшей идеологией.

Однако применительно к элите (особенно ее высшим слоям) меры по ограничению доступа к информации не срабатывали, поскольку в силу своего статуса в партийной или советской иерархии эти люди принимали управленческие решения и должны были иметь гораздо больший доступ к информации. Поэтому здесь логическим следствием «великого перелома» стало сочетание политики «кнута и пряника». В качестве «пряника» выступал доступ к материальным благам (улучшенное снабжение продуктами питания и промышленными товарами, жилье, отдых, возможность поездок за границу). Характерно, что доступ к этим благам имел безличностный характер и расширялся по мере повышения статуса в партийной и советской иерархии. «Кнутом» стали массовые репрессии, начавшиеся в 1930-е гг. и затронувшие все общество, но в наибольшей степени ударившие по элите. Наряду с утверждением личной власти И.В. Сталина, в его противостоянии со старым ядром ВКП(б) одной из главных целей репрессий было *пресечение инакомыслия в рамках советской элиты*.

Однако здесь неизбежно возникал вопрос о том, какая интерпретация коммунистической идеологии может рассматриваться как единственно верная и кто имеет право отдать приказ о применении репрессий к представителям элиты, что вело к формированию жесткой иерархической структуры, лидер которой лично формулировал курс партии и правительства и одновременно контролировал силовые структуры. В результате получилось следующее: если в начале 1930-х гг. под инакомыслием понимались воззрения представителей внутрипартийных оппозиций, то затем в таком качестве рассматривались любые сомнения в правильности курса, официально провозглашенного Сталиным как лидером партии и государства.

В контексте концепции ПОД/ПСД здесь можно отметить, что сложившийся в 1930-е гг. режим подавлял политическую активность, несоответствующую коммунистической идеологии, и жестко пресекал инакомыслие в любых иных формах. Не менее существенным было то, что новый режим отрицал частную собственность (и соответствующую ей систему стимулов) и ориентировался на систему централизованного планирования, построенную по принципу «единой фабрики». Как показал Дж. Берлинер в исследовании, основанном на серии интервью с бывшими менеджерами советских предприятий, уже в тот период централизованное планирование приводило к серьезному конфликту интересов на разных

уровнях управления [Berliner 1952, Berliner 1957]; в дальнейшем этот конфликт был детально проанализирован в работах Я. Корнаи [Kornai 1980]. Этот конфликт интересов объективно создавал предпосылки для оппортунизма менеджеров на нижних уровнях. Тем не менее система не только могла функционировать, но и обеспечивала внедрение новых технологий и инноваций. По нашему мнению, это было возможно, потому что оппортунизм менеджеров в тот период ограничивался наличием у них общих убеждений, способствующих их кооперации в процессе выполнения плановых заданий.

В этом отношении интересен другой вывод Дж. Берлинера. Несмотря на масштаб репрессий, уже в 1938–1941 гг. в советской экономике очень большое значение имел фактор личных связей или «блат» (позднее, уже в 1990-е гг. это явление советской экономической жизни было детально исследовано в работах А. Леденовой [Ledeneva 1998]). Однако при очевидных возможностях получения личных выгод «блат» широко использовался респондентами для достижения общественных целей, которые формулировались в народнохозяйственных планах. При этом, несмотря на все проблемы материального снабжения на своих бывших предприятиях, респонденты – бывшие граждане СССР, не имевшие возможности вернуться назад – в интервью говорили о преимуществах централизованного планирования и государственной собственности.

Иными словами ограничение доступа к информации и свободы перемещения в сочетании с усиленной пропагандой и подавлением любого инакомыслия приводили к тому, что в советском обществе поддерживались общие убеждения, основанные на коммунистической идеологии и советском патриотизме. Наличие таких общих убеждений создавало предпосылки для кооперации и позволяло решать проблемы, связанные с конфликтом частных и общественных (государственных) интересов в рамках плановой системы. Такая кооперация, в конечном счете, обеспечивала реализацию планов, что в свою очередь подкрепляло существующие убеждения.

Однако на верхних уровнях социальной иерархии неизбежно происходило расширение доступа к информации, и сложившиеся убеждения приходили в острый конфликт с наблюдаемой реальностью. Психологические последствия этого конфликта описаны в известном романе Александра Бека «Новое назначение» (написан в 1964 г., в СССР опубликован в 1986 г.) на примере главного героя Александра Онисимова, прошедшего путь от рядового инженера до министра и ставшего ярким воплощением образа руководителя сталинского типа в советской литературе. В своей не менее известной рецензии на этот роман Г.Х. Попов показал, что административно-командная система держится на таких людях как Онисимов [Попов 1987]. Но одновременно система психологически ломает таких людей, заставляя их действовать вопреки тому, что они сами, исходя из своих убеждений, считают правильным и нужным. В результате в элите на смену таким как Онисимов приходят другие люди – технократы и карьеристы, работающие не на систему, а реализующие через систему и ее несовершенства свои собственные интересы. В советской литературе примером такого рода можно считать инженера Прончатова из повести Виля Липатова «Сказание о директоре Прончатове» (опубликована в 1969 г.)⁷.

⁷ Автор признателен Л.И. Полищуку, который указал на данный литературный образ в ходе обсуждения основных идей настоящей статьи.

Отказ от репрессий, расширение доступа к информации и распад общей системы убеждений

В 1953 г. смерть Сталина, который с 1930-х гг. сосредоточил в своих руках всю полноту власти, включая контроль над аппаратом государственного насилия, открыла возможности для трансформации режима. Страх перед приходом нового диктатора подтолкнул высшую партийную элиту к коллективным действиям по физическому устранению Л.П. Берии (министра внутренних дел и ближайшего сподвижника Сталина). Процесс против Берии и кадровая чистка органов госбезопасности (с их переходом под контроль «политических» назначенцев из партийного и комсомольского аппарата) стали первым шагом к формированию коллективных механизмов контроля со стороны элиты над органами госбезопасности и вооруженными силами в лице Политбюро ЦК КПСС. После доклада Н.С. Хрущева о «культе личности Сталина» на XX съезде КПСС в 1956 г. была проведена реабилитация жертв репрессий и закрыто большинство лагерей системы ГУЛАГ. В конце 1950-х гг. резко (почти в три раза) была сокращена численность вооруженных сил.

С приходом к власти Хрущева также были восстановлены механизмы внутрипартийной демократии, включающие в себя проведение регулярных съездов партии и существенное повышение роли ЦК КПСС в принятии ключевых решений. Утвержденный в 1961 г. новый Устав КПСС предусматривал обязательное обновление состава выборных органов (от половины для нижних уровней до 25% для ЦК) и ограничение для секретарей парткомов пребывания в должности 2 сроками (не распространявшееся, однако, на первого секретаря ЦК КПСС). Также в 1950-е гг. усилилась роль Комитета партийного контроля, в функции которого входили проверка соблюдения членами КПСС партийной дисциплины, привлечение к ответственности коммунистов, виновных в нарушении Программы и Устава партии, партийной и государственной дисциплины, а также нарушителей партийной морали⁸.

Опора на партийную элиту (в лице секретарей обкомов партии, составлявших основную массу членов ЦК) позволила Хрущеву в 1957 г. преодолеть сопротивление сталинистов в высшем партийном руководстве (так называемая «антипартийная группа Молотова, Булганина и Кагановича»). При этом следует отметить, что противники Хрущева (также как позднее и сам Хрущев) потеряли свои посты, но не были подвергнуты репрессиям. Это может свидетельствовать о своего рода консенсусе о неприменении физического насилия внутри элиты.

Развенчание «культы личности» сопровождалось расширением доступа к информации: в литературных журналах стали печататься произведения, критически переосмысливавшие предшествующие десятилетия советской истории. Одновременно увеличилось финансирование науки и образования: выросло количество ВУЗов, расширился набор студентов, были созданы новые научные центры (включая Центр биологических исследований в Пущино (1956), Академгородок в Новосибирске (1957), Центр электронной промышленности в Зеленограде (1962) и т.д.). Все это означало новые возможности «социально-го лифта».

⁸ К нарушениям партийной морали Уставом КПСС были отнесены обман партии, нечестность и неискренность перед партией, клевета, бюрократизм, бытовая распущенность.

Успехи СССР в науке и технике (запуск искусственного спутника Земли в 1957 г., первый полет человека в космос в 1961 г.) привели к повышению международного престижа СССР и способствовали большей открытости режима. Борьба СССР за влияние в «третьем мире» после распада колониальной системы привела к расширению международных контактов как на политическом, так и на межличностном уровне. В 1957 г. в Москве был проведен Международный фестиваль молодежи и студентов, на который приехали 34 тыс. чел. из 131 страны мира. На фестивале были аккредитованы 2 тыс. журналистов. В 1959 г. в Москве в парке «Сокольники» была проведена первая американская национальная выставка «Промышленная продукция США», которую за две недели посетили свыше миллиона человек⁹. Одновременно с развитием контактов с развивающимися странами для советских граждан появилась возможность выезда за границу и знакомства с результатами функционирования рыночной экономики.

Расширение международных контактов принесло понимание того, что СССР проигрывает по уровню жизни в конкуренции с капиталистическими странами. Следствием этого стали лозунги «догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения», принятие новой программы КПСС, которая декларировала «построение коммунизма к 1980 году» и предусматривала существенное повышение уровня жизни обычных граждан. Практическими инструментами реализации этих целей стала программа строительства жилья для обеспечения потребностей неэлитных социальных групп, программа развития сельского хозяйства (за счет освоения целинных земель и внедрения кукурузы). Одновременно велись активные дискуссии об эффективности механизмов управления экономикой. Эти дискуссии в 1958 г. вылились в так называемую «реформу совнархозов», которая предусматривала демонтаж централизованной модели управления экономикой и создание региональных органов управления экономикой [Markevich, Zhuravskaya 2011]. Тем самым была сделана попытка сформировать правильные стимулы для бюрократического аппарата на уровне регионов¹⁰.

Однако следование идеологическим догмам, предусматривавшим запрет частной собственности и ограничение частной инициативы, привели к тому, что эти реформы не дали желаемых результатов. Более того, просчеты в развитии сельского хозяйства (которое строилось на основе директив из центра, не учитывавших местной специфики) в начале 1960-х гг. выразились в падении производства зерна и обусловили введение в 1962–1963 гг. карточной системы распределения основных продуктов питания. Одним из следствий возникших социальных проблем стали массовые волнения и забастовка рабочих в Новочеркасске, подавленные армией.

Проигрыш в конкуренции по уровню жизни был характерен не только для СССР, но и для всей Восточной Европы. Именно этим предопределялся массовый уход жителей из ГДР в Западный Берлин и в ФРГ, приведший в 1961 г. к созданию «берлинской стены». Следствием берлинских событий стало усиление военно-политической конфронтации с США, достигшей пика в момент «кубинского кризиса» осенью 1962 г., когда СССР и США оказались на грани войны.

⁹ Во время посещения этой выставки первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым и вице-президентом США Р. Никсоном 24 июля 1959 г. между ними в присутствии журналистов состоялись известные «кухонные дебаты», посвященные преимуществам советского и американского образов жизни и их «материальному» наполнению.

¹⁰ Позднее схожие цели ставила реформа Косыгина 1965 г., ориентированная на расширение самостоятельности предприятий.

Безусловно, в этих событиях, а также в провале многочисленных реформ 1950-х и начала 1960-х гг. свою роль сыграл субъективный фактор, связанный с особенностями личности Никиты Хрущева. Однако в целом к середине 1960-х гг. для высшей советской элиты стало очевидно, что СССР не может догнать развитые страны по уровню жизни. Поворот же к рыночным реформам для элиты оказался невозможен в силу идеологических ограничений. В этом контексте закономерной стала реакция на «пражскую весну» 1968 г. – ввод войск стран Варшавского договора в Чехословакию с последующим преследованием диссидентов и явным подавлением инакомыслия в СССР.

Однако в соответствии со сложившимся после 1953 г. неформальным внутриаэлитным консенсусом это ужесточение режима не затрагивало представителей самой элиты, если они не начинали публично выступать против коммунистической идеологии. В результате среди элиты все более широкое распространение приобретала «двойная мораль»: когда на партийных собраниях представители элиты по-прежнему клялись в верности коммунистическим идеалам, а у себя дома они читали «самиздат», слушали «Голос Америки» или «Свободу» и рассказывали антисоветские анекдоты. Также при сохранении декларативной ориентации на равенство всех членов советского общества с 1960-х гг. началась явная дифференциация в доступе к общественным благам. Это выражалось в формировании системы спецшкол с углубленным изучением иностранных языков, в ограничении доступа в элитные университеты, в преференциях в доступе к качественному медицинскому обслуживанию. Нормой стало использование личных связей (или «блага») для обеспечения доступа к более качественным товарам или общественным благам, а также при карьерном продвижении.

Таким образом, с позиций концепции ПОД/ПСД можно говорить о том, что утрата идеологической основы режима привела к размыванию и разрушению тех институтов, которые ранее обеспечивали более широкий доступ к общественным благам и поддерживали возможности «социального лифта». Эти институты (включая единые правила поведения для элиты, политические и общественные организации, механизмы контроля над насилием) приобретали все более формальный характер. Реальное же их функционирование все более определялось фактором личных связей, что подрывало систему обезличенных взаимодействий и еще больше снижало эффективность плановой экономики. Тем самым мы можем утверждать, что распад общей системы убеждений, которая обеспечивала для элиты стимулы к реализации общественных интересов, обусловил крах СССР как специфического общественного порядка. Мы также полагаем, что девальвация общей системы ценностей и ориентация советской элиты сугубо на частные интересы во многом предопределили те масштабы «приватизации государства» (*state capture*), которые мы наблюдали в России в последние двадцать лет.

Заключение

В данной статье, опираясь на концептуальный подход, предложенный Д. Нортон, Д. Уоллисом и Б. Вайнгастом, мы попытались показать, что одним из ключевых факторов успешного развития СССР на протяжении долгого периода были элементы открытого доступа к образованию, здравоохранению, а также возможности социального лифта для представителей незлитных слоев. Эти элементы ПСД мог-

ли быть реализованы на практике, потому что социальное равенство и социальная активность масс были важными принципами господствовавшей коммунистической идеологии и рассматривались как одно из преимуществ СССР в конкуренции с капиталистическим миром. Эти элементы ПСД были успешно внедрены, потому что они опирались на идеалы о социальном равенстве, широко распространенные в обществе. Эти общие убеждения, безусловно, формировались под воздействием пропаганды, но они также находили яркое выражение в культуре и произведениях искусства в советский период. Необходимо подчеркнуть, что представители интеллектуальной элиты (советская интеллигенция) широко разделяли социалистические ценности и идеалы вплоть до конца 1960-х годов. Как следствие, эти общие убеждения создавали пространство для кооперации и помогали преодолевать неэффективность плановой экономики.

Однако эти общие убеждения имели искусственную идеологическую природу и с течением времени пришли в острый конфликт с личными (частными) интересами новой советской элиты. Реализация этих частных интересов объективно ограничивалась репрессиями в сталинский период. Однако после смерти Сталина советская элита стала более автономной. Поэтому с 1960-х гг. следствием этого конфликта между частными интересами элиты и общими убеждениями, проистекавшими из коммунистической идеологии, стала дифференциация доступа к общественным благам, а также ограничение возможностей социального лифта для представителей неэлитных слоев. В результате общие убеждения, не находившие подтверждения на практике, стали размываться и этот процесс в значительной мере предопределил крах советского строя, поскольку движущим силами этого социального порядка выступали не частные (материальные) интересы экономических агентов и политических акторов, а идеология. Таким образом, советский эксперимент позволяет понять, что общественное развитие может быть устойчивым лишь тогда, когда оно опирается на общие убеждения и ценности, которые естественным путем возникают из взаимодействия частных интересов.

Литература

- Аузан А., Келимбетов К. (2012) Социокультурная формула экономической модернизации // Вопросы экономики. № 5.
- Афонцев С., Зубаревич Н. (2012) Пространственное развитие как механизм модернизации Республики Казахстан // Вопросы экономики. № 5.
- Бек А.А. (1986) Новое назначение // Знамя. № 11–12.
- Липатов В.В. (1969) Сказание о директоре Прончатове // Знамя. № 1–2.
- Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. (2012) В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности (доклад к XIII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 3–5 апреля 2012 года). М.: НИУ ВШЭ.
- Панях Э., Титаев К. (2012) Консорциум элит распадается // Ведомости. № 113 (3127), 21 июня 2012.
- Попов Г.Х. (1987) С точки зрения экономиста // Наука и жизнь. № 4.
- Тамбовцев В., Умбеталиев М. (2012) Стратегический бенчмаркинг Республики Казахстан // Вопросы экономики. № 5.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2006) *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. New York: Cambridge University Press.

- Baumol W.J.* (1990) Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive // Journal of Political Economy. Vol. 98. № 5.
- Berliner J.* (1952) The Informal Organization of the Soviet Firm // The Quarterly Journal of Economics. 66 (3).
- Berliner J.* (1957) Factory and manager in the USSR. Cambridge: Harvard University Press.
- Greif A.* (2006) Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade. Cambridge University Press.
- Kornai J.* (1980) Economics of Shortage. Amsterdam: North-Holland (в русском переводе – *Корнаи Я.* (1990) Дефицит. М.: Наука).
- Ledeneva A.* (1998) Russia's Economy of Favours. Cambridge University Press.
- Markevich A., Zhuravskaya E.* (2011) M-form hierarchy with poorly-diversified divisions: A case of Khrushchev's reform in Soviet Russia // Journal of Public Economics. Vol. 95. Issues 11–12. December.
- Marx Karl und Friedrich Engels* (1848) Manifest der Kommunistischen Partei. London: Bildungs-Gesellschaft fuer Arbeiter.
- North D.* (2005) Understanding the Process of Economic Change. Princeton University Press.
- North D., John Joseph Wallis, Barry R. Weingast* (2009) Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. New York: Cambridge University Press (в русском переводе – *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* (2011) Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара).
- Schumpeter J.* (1942) Capitalism, Socialism, and Democracy. New York: Harper (в русском переводе – *Шумпетер Й.* (2007) Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо).